

Публикации аспирантов

УДК 82.091

Кислякова О.А.

ВИЗАНТИЙСКАЯ ТЕМА В ТВОРЧЕСТВЕ НИКОЛАЯ ПОЛЕВОГО*

Аннотация: Николай Полевой художественными средствами исторической прозы проводит параллели в истории двух великих империй – Византийской и Российской. Писатель находит подтверждение генеральной линии своей исторической теории – мысли о едином, универсальном потоке истории.

Ключевые слова: историческая проза, Россия, универсализм, империя.

Николай Полевой стал первым русским писателем, который попытался обстоятельно разработать византийскую тему. Произведение «Иоанн Цимисхий. Быль X века» было написано им в 1838-1841 гг., в сложный период жизни писателя. В это время Полевой жил в Петербурге. Под давлением жизненных обстоятельств он сближается с Булгариным и Гречем и начинает сотрудничать в их изданиях – «Сын отечества» и «Северная пчела». Но это положение очень тяготило Полевого, поскольку писатель-романтик, искренне веривший в возможность «высшего» существования, попадает в тяжелую жизненную ситуацию – не имея постоянного дохода и возможности погасить долги (которые к концу 1830-х годов выросли до 80-ти тысяч рублей), он был вынужден вступать в чуть ли не ежедневные компромиссы с жизнью, жертвуя при этом своими романтическими идеалами. Все это очень сильно отразилось на душевном состоянии писателя. Тем не менее, Николай Полевой продолжает и в это непростое для него время разработку новых аспектов в изображении исторической действительности, ищет и находит оригинальные темы для литературного творчества. Так, подлинной художественной находкой для писателя стала византийская тема. Начало было положено еще в 1835 году произведением «Пир Святослава Игоревича, князя

Киевского», в котором, по сути, необыкновенно живо представлена встреча двух цивилизаций – древней византийской в лице Калокира, посла императора Никифора, и молодой славянской в лице киевского князя Святослава (греческий вариант – Свендослава, или Сфендослава) Игоревича. Калокир, прибывший в Киев с особой миссией побудить славянского князя к выступлению против Болгарии, невольно становится свидетелем межэтнического спора «о том, кто... могучее другого?». Состоялось своеобразное соревнование между печенежским, норманнским и славянским богатырями, в ходе которого проявились типичные (с точки зрения Н. Полевого) черты представителей различных народов, сплетенных в едином этническом процессе, из которого позднее возник русский народ.

В этой первой византийской легенде Николая Полевого отчетливо прозвучала художественно выраженная мысль о восприятии византийской духовности русской нарождающейся идеей и о грядущем могуществе русского государства, основанного на синтезе греческого православного и русского языческого элементов, когда «...Господь просветит скифские народы... в будущих веках здешние варварские страны... образуют такое царство, которое коснется Востока и Запада. Оно будет непобедимо» [1].

Заслуживает отдельного внимания мысль о том, что в рассматриваемом произведении воплотилась идея романтиков о вдохновляющей силе искусства: песня Велеса о ратных подвигах князя Олега (Вещего Олега) столь мощно подействовала на князя Игоря, что зрелее в глубине его души желание пойти «воевать» болгар бурно выплеснулось в боевой призыв: «И попустим ли мы щедущему болгару надругаться над нашею честью? – восклицал Святослав. – Три дня вы видите меня пе-

* © Кислякова О.А.

чального и мрачного – не о матери я горюю, но о той весте, которую я получил из Переяславца. Знаем ли, что храбрые наши товарищи, оставшиеся на Дунае, одолены, побиты булгарами; что царь болгарский ищет союза с уграми и с греками; и не боится уже нас, думает, что навсегда унесли нас в леса наши и пустыни волны Эвксинские? За товарищей ли не отомстим? ... Но – кровь за кровь, по русскому обычаю!» [2].

Тем не менее, надо признать, что в первом художественном опыте, посвященном византийской теме, внимание автора было главным образом сосредоточено на раскрытии особенностей славянских, варяжских, печенежских характеров, на психологию воинского духа в его национальных особенностях, византийская же тема была обозначена лишь вскользь, несколькими штрихами. Наиболее же полно интерес Полевого историка и Полевого-писателя к истории Византии проявился в масштабном произведении «Иоанн Цимисхий. Быль X века».

Эта византийская легенда Николая Полевого издавалась только дважды: первый раз при жизни писателя – в 1841 году отдельной книгой, и второй раз в 1990 году в сборнике «Н.А. Полевой. Избранная историческая проза».

В 1820 году был опубликован первый русский перевод (с греческого) «Истории» византийского историка X века Льва Диакона, выполненный Д. Поповым. Эта книга, безусловно, входила в круг научного изучения историка Николая Полевого, более того, из нее непосредственно он почерпнул византийские сюжеты, в частности, достаточно подробное, хотя и краткое, изложение дворцового переворота, в ходе которого был предательски убит император Никифор и на трон взошел Иоанн I по прозвищу Цимисхий. Весьма продуктивной представляется попытка сопоставления изначального материала, событийной канвы, изложенной в хронике Льва Диакона, с тем литературным полотном, которое вышло из-под пера Полевого в результате творческой переработки в художественном сознании автора.

Необходимо отметить, что «История» Льва Диакона уже сама по себе, как уникальное историческое произведение с несомненными художественными достоинствами, безусловно, привлекла внимание романтика Полевого: здесь есть масса

волнующих эпизодов с участием титанических личностей, роковой ролью обстоятельств, коварством, местью, стремительностью взлетов и падений императоров и полководцев. «История» написана ярким, образным языком; некоторые образчики мы здесь приведем: «они оцепенели от ужаса...», «скиталец презренный...», «он, охваченный варварским бешенством и безумием...», «бурные порывы гибельных ветров...», «стремительной, грозной лавиной понеслись на врагов...» и т.д. Подобная экспрессивность изложения исторических событий, яркая метафоричность стиля византийского хрониста были близки Полевому, соответствовали его собственным эстетическим воззрениям.

Интересен и близок был писателю и мировоззренческий постулат Льва Диакона о гегемонии рока, судьбы – в пятой книге «Истории» мы, например, читаем: «Небольшой толчок может поколебать судьбу человека; она, я бы сказал, висит на тонкой нити и часто обращается в противоположное». И далее: «Ведь провидение, презиращее грубый и заносчивый дух человека, укрощает его, подавляет, обращает в ничто и непостижимыми, ему одному известными судьбами направляет челн нашей жизни к полезному» [3].

Посмотрим, как лаконичные (хотя и достаточно эмоциональные) строки византийского историка оживают под одухотворяющим влиянием художественного таланта. Описывая ночь дворцового переворота десятого декабря 969 года, средневековый историк роняет лишь несколько слов: «Часы показывали уже пятый час ночи, ледящий северный ветер волновал воздушную среду; падал густой снег» [4]. В произведении Полевого эта ночь описана красочно и метафорично: «Торжественный пир природы шумел и гремел над Царьградом – буря, каких мало могли запомнить даже старики, жители царьградские, возмущала небо и землю, и море; волны Эвксина мчались в Эгейское море, встречались с волнами моря Эгейского, сшибались в страшном разбеге, разлетались подоблачными брызгами и опеняли берега; вихрь срывал крыши домов, ломал деревья, разбивал лодки и корабли; снег взвивался клубами и, как будто сквозь сито, просеивался на землю сквозь облака» [5]. Мы видим, что Полевой не пожалел красок для описания

разбушевавшейся стихии, вкладывая в это описание символический смысл бурных человеческих страстей и предстоящих событий (злодейское убийство императора и торжество Иоанна, завладевшего тронном). Доводя драматизм изображения до предела, художник тем самым наводит читателя на мысль о невыносимом внутреннем напряжении, о титанической силе духа героев, осмелившихся бросить вызов судьбе и берущих на себя ответственность не только за свой выбор, но и за предстоящую кару.

Византийская тема явственно звучит и в романе «Клятва при гробе Господнем», и связана она с образом митрополита Исидора, весьма незаурядного человека, грека по происхождению, приехавшего на Русь из Византии, получившего сан митрополита и назначенного на русскую кафедру. Исидор был, выражаясь современным языком, прозападно настроен, вел переписку с гуманистами.

Деятельность церковных иерархов Руси с самого начала ее христианизации носила отчетливо политический характер. Митрополиты, а позднее патриархи, активно участвовали в междукняжеской борьбе, в процессах консолидации российских земель перед внешней угрозой.

В русской исторической науке первой трети XIX века шла интенсивная дискуссия о месте России в мировом потоке времени: включена ли она целиком в этот поток и проходит те же этапы развития, что и другие европейские государства или, напротив, путь ее исключительно самобытен и отличен от других. Эта полемика нашла свое отражение и в исторической беллетристике.

Николай Полевой – историк, писатель, журналист, – выражая взгляды зарождающейся романтической историографии и особенно ее демократического крыла, настойчиво воплощал в своих произведениях идею тождества исторического развития России и Западной Европы как результата действия единых законов. В качестве одного из сильнейших аргументов в пользу данной точки зрения можно считать факт восприимчивости Русью христианства в его православном обряде из Византии. И хотя некоторые русские мыслители склонны были результатом этого обстоятельства считать обособление Руси от западного мира (в частности, П. Чаадаев [6]), – другие (среди

которых Н. Полевой) видели в нем символ эстафеты античного элемента. Н. Полевой принципиально не согласен с И. Киреевским, который как раз полностью отрицал наличие в России какого-либо античного начала. Сводя «античный элемент» лишь к латинскому варианту и справедливо считая римское право цементирующим звеном европейской культуры, И. Киреевский игнорирует другое воплощение античности – древнегреческую культуру, которая нашла свое позднейшее развитие в литературе и искусстве Византии, и после, благодаря широким и живым связям на протяжении почти пяти веков (с X по XV) между двумя государствами, была основой просвещения на Руси.

В историческом романе «Клятва при гробе Господнем» Николая Полевого идея духовной связи Византии и Руси вложена в уста митрополита Исидора. Реальная биография этого религиозного деятеля, грека по происхождению, насыщена событиями и драматическими ситуациями. В 1437 году константинопольский патриарх Иосиф рукоположил Исидора в митрополиты русской церкви. В это время ослабевшая Византия активно искала союзников в борьбе с турками, даже соглашаясь на предложение римской курии о заключении церковной унии. Кроме того, византийские императоры стремились сохранить влияние на Московское великое княжество, которое они также предполагали втянуть в борьбу с Турцией. Выполнению этой задачи и должна была содействовать политическая деятельность митрополита Исидора. Участвуя во Флорентийском соборе (на который он отправился вопреки воле великого князя), Исидор настойчиво проводил линию заключения унии (союза) между римско-католической и византийско-православной церквями. По этому вопросу завязалась напряженная борьба, поскольку представители ряда православных церквей решительно заявили о неприятии идеи унии. Союз все же был подписан в 1439 году, и Исидор, вернувшись в Москву, объявил о происшедшем соединении православной и католической церквей. Однако русские князья отвергли унию, и великий князь Василий Васильевич, назвав Исидора «лытыньским злым прелестником» и «волком», приказал заточить его в монастырь [7], откуда он бежал в Италию в 1441 г., где стал кардиналом ка-

толической церкви. Вся эта бурная биография не отражена в романе Н. Полевого, мы встречаем Исидора на страницах произведения лишь однажды во время длительной беседы митрополита с Шемякой. Писатель рассказал только об одном эпизоде, но в этом эпизоде, в речах Исидора, в его горячности, с какой он говорит о возможности будущего торжества православия, весьма выпукло проявилось особое понимание Н. Полевым исторической миссии Руси и ее включенности в единый мировой духовный процесс. «Нет! Я не обольщаю тебя, князь добрый! – сказал Исидор, и голос его изменился. – Бог видит душу мою – не обольщаю! Судьба Руси заключает в себе судьбу многих стран... – Слезы навернулись на глаза Исидора. – Я русский теперь; но в то же время могу ли забыть и родную мою, мудрую и славную Элладу! Она, трепетавшая некогда жителей Севера, теперь на Север простирает руки свои и отселе ждет спасения! Отовсюду обложенная врагами, гибнет Греция, и – погибнет, если Русь не спасет ее! Весь Запад ждет клика русского, все соединится с Русью, когда меч ее блеснет на берегах Босфора» [8].

В ходе беседы князя и митрополита Полевой разворачивает перед читателем свою концепцию власти, свое понимание предназначения государственного деятеля: «Волю Бога должен ты видеть во всех делах своих и, как орел, парить выше земли, где голодный коршун терзает цыпленка, исполняя завет, ему предначертанный» [9]. И далее: «Кто видит себя выше мелких междоусобий и твердо глядит в бесконечность будущего – тот силен и велик! [10]».

Образ Исидора носит в целом довольно схематичный характер, он, по замыслу автора, является выразителем универсалистской, объединительной идеи Полевого-историка. В уста Исидора Полевой вложил многие сокровенные положения своей историософской концепции: мысль об объединительной миссии России, более того, мысль о ее духовном предводительстве в отношении других стран; идея об особом, дерзновенном предназначении великой личности в истории; убеждение в неотвратимости судьбы и суетности земной жизни.

Последовательно обращаясь к византийской теме, Полевой стремился вовсе не к созданию исторического колорита или дешевой занимательности. Писатель ста-

рался создать особое духовное напряжение, используя пафосные речи, обращаясь к высоким образцам греческой античности. Проводя параллели в истории двух великих империй – Византийской и Российской – он искал и находил подтверждение генеральной линии своей исторической теории – мысли о едином, универсальном потоке истории.

Необходимо заявить о *приоритетном значении* Полевого-литератора в осмыслении феномена «византизма» в России. Явление это до конца не изученное, спорное и неоднозначное. Полемика в научных кругах среди историков, политологов, филологов то затихает, то вспыхивает с новой силой. Особую актуальность проблема византизма обрела в России в самые последние годы в связи с напряженными поисками национальной идеи, единого консолидирующего начала, в условиях возрождения имперского самосознания. Исторически оппозиция «восток – запад» для России имеет двойной смысл: с одной стороны, это оппозиция «Византия – Рим» (или греческая античность – латинская античность, или православие – католицизм); с другой стороны – это оппозиция «Азия – Европа». И оба дуальных типа представлены в творчестве Полевого. Как мы знаем, уже после Полевого в полемике западников и славянофилов было много сказано и о византизме русской истории и государственности, и о якобы присущей русскому духу азиатичности – но все это будет позже, а тогда, в 30-е – начале 40-х годов XIX века Полевой был, по сути, первым, кто ввел византийскую проблематику в литературный оборот, кто сделал византийский сюжет популярным и привлекательным.

Для Полевого-писателя разработка византийской темы, по-видимому, оказалась важной и интересной в двух аспектах: с одной стороны, заманчиво было средствами художественной выразительности показать отличие между «восточным» и «западным» мировидением; а с другой стороны, в православно-византийском прошлом он утверждал духовные основы русской идеи и ее имперского величия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Полевой Н.А. Избранная историческая проза. – М., 1990. – С. 196.
2. Там же. – С. 217.

3. Лев Диакон. История. – М., 1988. – С. 50.
4. Там же. – С. 57.
5. Полевой Н.А. Избранная историческая проза. – М., 1990. – С. 136.
6. Цена веков. П.Я. Чаадаев. – М., 1991. – С. 33.
7. Русское православие. Вехи истории. – М., 1989. – С. 80.
8. Полевой Н. Клятва при Гробе Господнем. – М., 1991. – С. 268.
9. Полевой Н.А. Избранная историческая проза. – М., 1990. – С. 559.
10. Н.А. Полевой Избранная историческая проза. – М., 1990. – С. 561.

O. Kislyakova

THE BYZANTIAN THEME IN CREATIVITY OF NIKOLAY POLEVOY

Abstract: Using artistic means of historical prose, Nikolay Polevoy draws the parallels in history of two Great Empires - Byzantine and Russian. The writer is finding the confirmation of general line of his historical theory - idea of common universal flow of history.

Key words: historical prose, Russia, universalism, Empire.

Трофимова П.В.

ЭКСПРЕССИВНЫЙ ПСИХОЛОГИЗМ КАК ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОТКРЫТИЕ М.А. ШОЛОХОВА В РОМАНЕ «ТИХИЙ ДОН»*

Аннотация: В статье на материале романа «Тихий Дон» М.А. Шолохова исследованы образы ощущений, воплощающие способность человека мыслить образами социального и природного мира. В основе работы – полиаспектное описание лексики чувственного представления как средства репрезентации внутреннего движения сюжета романа. Текст романа Шолохова анализируется с привлечением опыта и достижений психологии и литературоведения.

Ключевые слова: Шолохов М.А., роман «Тихий Дон», внутреннее движение сюжета, психология и литературоведение.

Всеобъемлющим свойством художественного мира М.А. Шолохова является психологизм углубленного, экспрессивного типа – универсальное свойство художественного мира Шолохова. Оно пронизывает все уровни его художественной системы, включая искусство детали, которому посвящена данная статья.

Ярко и увлечено об уникальном шолоховском мастерстве художественной детализации образа пишет С.Г. Семенова в своей недавней книге «Мир прозы Михаила Шолохова. От поэтики к миропониманию»: «Писателю присуще особое *микроразрешение* (выделено мной. – П. Т.), виртуоз-

ная фиксация таких мельчайших внешних черт и деталей, какая возможна только для долгого, прилежного, гениально-зоркого наблюдателя» [1: 94]. С.Г. Семеновой принадлежит и другое важное наблюдение – об особой художественной органике шолоховского мышления, ключевой роли сферы чувственных представлений в его поэтике: «Текст “Тихого Дона” поражает прежде всего особым восчувствием физической стороны мира, жизни природы и жизни человеческого тела, въедливо выписанных в массе поразительно точных черт и деталей» [1: 83].

Определяя этот ключевой прием шолоховской поэтики словами «*внутреннее через внешнее*», исследовательница подчеркивает: «Внутреннее, душевное при этом чаще всего восстает из внешнего и физического. Все – плотяно, материализовано: переживания, чувство, импульс, мысль читаются в чертах лица, в телесном облике, в непосредственной реакции – без прямого душевного обнажения». Исследовательница справедливо полагает, что в утверждении такого подхода писатель «верен *народному, нерелфлексированному типу переживания* (выделено мной. – П. Т.), выражения себя и своего сознательного и полубессознательного отношения к людям и миру» [1: 85].

* © Трофимова П.В.